

**Не успеваете?
Вам поможет iAgent 2.0**

[Free Download](#)

Журнальный Зал

ЗНАМЯ

"Знамя" №8'2000г.

Факт единой книги

Григорий Марк. Оглядываясь вперед. СПб.: Петрополь, 1999.

Идея составить единую книгу из того, что растянуто временем жизни на целое десятилетие, представляется мне довольно опасной. Единая книга поневоле скажет то, что спрячет единичная публикация. Единичную публикацию — окажись она бедной или бледной — всегда можно защитить ее же единичностью (далее будет другое, лучшее!), а книга закрывает перед тобой эту возможность. Это не собрание стихотворений, это "собрание" тебя самого, западня, ловушка.

Оттолкнемся от названия: "Оглядываясь вперед". Оксюморон зловещего свойства, издевка над собственным зрением, над собственной анатомией (голова и шея!) над собственной жизнью, душой и временем. Сказал — и спрятался, заслонился ладонями, как ребенок: если я не вижу, то и меня не видят.

Я вышел из себя — и не могу
Вернуться. А снаружи неприятно.
Чужие лица. Каждый смотрит в оба.
(И громко мысль кудахтает в мозгу,
что нет меня.
Но есть — вот эти пятна.
Замечу в скобках:
слишком много скобок —
попыток отделяться изнутри,
признать, что проиграл,
что не судьба,
что мне осталось только говорить...
что я лишь голос самого себя.)

Григорий Марк одержим здоровым стихотворным голодом. Слово в стихотворении — предмет его ежесекундной страсти, он смакует его и любуется им, спорит с его ограниченными "человеческими" возможностями, помня, что, если — постоянно, упрямо, преданно — жить в слове и дышать им, оно отзовется и пойдет к тебе в руки, как приученный зверь.

Три Твёрдые Точные «Т» —
 тот мост, по которому «Я»
 с частицей живого огня
 шагает назад в пустоте.

Вращается нимба кольцо,
 над лысиной тихо гудя,
 тяжёлые нити дождя
 ему оплетают лицо.

Но красный живой огонёк
 не гаснет в дожде проливном.
 И глухо шумит под мостом
 просодии мощный поток.

С другой стороны тишины

из праязыковых болот
процессия гласных ползёт
на кладбище следом за ним.

Лежат там в скитах на холме
нетленные монсты святых
букв — Ижицы, Яти, Фиты —
и свет источают во тьме.

Вот «Я», приносящий огонь,
подходит к подножью холма,
читает начало псалма
и в ночь поднимает ладонь.

Стихи не существуют сами по себе, не формируют “литературный процесс”, не облагораживают и не учат жить. Эти прикладные истины, многим и до сих пор кажущиеся незыблемыми, мало что значат в мире Григория Марка. Стихи находятся там, где царит Слово. Они — по своему происхождению — божественной природы, их нельзя и не нужно беспокоить по пустякам. “Поэт, — утверждал Бродский, — это тот, для кого всякое слово не конец, а начало мысли, кто, произнося “Рай” или “тот свет” мысленно должен сделать следующий шаг и подобрать к нему рифму”.

Если бы Григорий Марк не чувствовал слова, как “начала мысли”, он бы, в конце концов, сконцентрировал свой дар на том, что удается ему с редким блеском — пародия, словесный балет, словесный цирк, шарада. Но “начало мысли” постоянно тянет его в высокое пространство, туда, где мысль наконец останавливается, пораженная величием Божьего замысла. В этот момент слово успокаивается и замирает.

Над каналами поют колокола,
в небо тянутся молитвою весёлой,
в Глаголандии никто не держит зла:
его негде там держать
среди Глаголов.

За те годы, в которые книга его создавалась, росла, взросла, становилась, он создал свою поэтическую лабораторию — настолько же рассудочную, насколько и стихийную, факт поэтического творчества становится объектом скрупулезного расчленения на смысловые волокна. От этого расчленения веет альпийским холодом, эмоциональной жестокостью.

Сначала бормотать,
вживаясь в образ...
Ну, что-нибудь о воспаленьи духа.
О человечке в зеркале с недоброей
ухмылкою от уха и до уха.

Потом добавить несколько деталей,
но подчеркнуть при этом
их условность:
лица — овал, нос — по диагонали,
две радуги на месте дуг надбровных.

Теперь катарсис третьего кратена.
С бесшумным взрывом
в зеркале напротив
лицо разволопщается! На сцене
шевелится комочек тёмной плоти.

Стриптиз исповедальный,
танец гномов —
лутти с незарубцованной раной

Есть в нём разоблачение приёма,
срывание метафорного хлама.

Дать этот танец
как основу текста —
сплошную копошащуюся массу,
где налезают друг на друга жесты
на красной сцене, высеченной в мясе.

(Пропустим здесь
четыре смутных строчки —
их смысл восстановить
уж нет надежды —
ведь мой король одет и под одеждой.
Я просто вместо них
поставлю точки.

. . . . .
...и темой одиночества двойного,
вступающего мощно к эпилогу
как контрапункт к иронии дешёвой,
закончить, отстраняясь понемногу.

Значительная часть этой книги держится на болевом, скорее всего очень болевом для пишущего соединении крайнего отчаяния с крайней отстраненностью. Он буквально “оглядывается вперед”, и мы, застигнутые врасплох этим мученическим движением, слышим хруст шейных позвонков, видим, как дико скрививается зрачок, пытаясь успеть за лицом, а лицо покрывается потом. Все это — хруст, пот, стон, вскрик — перекрывается опять-таки словом. Оно берет на себя всю нагрузку и, как ни удивительно, справляется, выносит.

Ночь пропитана тленьем нас kvозь...
Для чего же я
снова вытащил эту картинку
из памяти?
Для чего я полез
со своими стихами-то
да в чужой огород,
где на грядках разложены
тени тех, кого нет?..
И, увешанный знаками
крючковатых вопросов,
ключками бессонницы,
я здесь жду,
по колено в земле унавоженной,
что Господь Авраама, Исаака, Иакова
до бедра моего
наконец-то дотронется?

Бродский в статье “Примечание к комментарию” прямо говорит о том, что “подлинный поэт не бежит влияний и преемственности, но зачастую лелеет их и всячески подчеркивает. Боязнь влияния и боязнь зависимости — это боязнь — и болезнь — дикаря, но не культуры, которая вся преемственность, вся — эхо”. Григорий Марк — при всей изощренной изобретательности своей метафоры, неожиданности интонации, лингвистического, акустического и формально-графического поиска (с помощью определенного расположения слов в стихотворении оно иногда принимает разные графические формы: звезды, креста и т.д.) — при всем этом “якобы” поиске нового и исключительно “своего” остается поэтом, глубоко традиционным и “законным”. Его появление в русском стихосложении так же естественно, как появление нового снега каждой вновь наступившей зимой. Ибо есть и остается некая общая тема большой русской поэзии, которую, в сущности, можно бы и сформулировать, если не бояться высоких слов. И, хотя тема эта по природе своей “неслыханной простоты”, мы не так легко пробиваемся к ней и совсем не часто она становится основой нашей жизни. Тем радостнее всякое ее узнавание, тем существеннее наша

благодарность поэту за такие, например, отчетливые строчки:

Конус «завтра» из «сегодня»
выходит, сужаясь в свеченье
утлой лодочки света.
Не видно уже берегов.
Я плыву в темноту,
и единственный шанс на спасенье,
что я ближе к Тебе
на три сотни стихов.

